

«Пространственный поворот» (*Spatial Turn*) в социально-гуманитарном знании в 1970–1980-е гг., благодаря которому усилилось внимание к изучению пространственного измерения всех сфер социальной жизни, открыл новый этап в изучении истории картографии. Был подвергнут кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, единственной целью которого является максимально точное отображение поверхности земли, и тем самым был поставлен под сомнение взгляд на историю картографии как на поступательное движение ко все большей точности карт. Несмотря на большие успехи в выработке новых подходов и постановке новых исследовательских проблем в современной историографии, слабым местом историко-картографических штудий остается разработка источниковедческих проблем. Во многом это связано с тем, что истории картографии как особой научной дисциплине недостает внутренней когерентности, поскольку интерес к истории карт традиционно проявляют не только ученые различных специальностей (историки, географы, искусствоведы), но и хранители карт в библиотеках, музеях и архивах, а также коллекционеры карт и просто их любители.

Недостаточная изученность источниковедческих вопросов характерна, в частности, для историографии, посвященной истории морских карт (портोलанов) – одной из важнейших форм пространственных представлений и картографических изображений в Западной Европе в конце XIII–XVII веках. Основные направления исследований в этой области связаны с выявлением и каталогизацией портоланов; их атрибуцией (конкретному мастеру и/или картографической школе); идентификацией топонимов, а также интерпретацией картографических символов и изображений, нанесенных на портолан; происхождением портоланов; историей производства портоланов и их бытования. Итоги исследований по всем данным направлениям обобщены Т. Кэмпбеллом [3, с. 370–463], и с тех пор его работа остается непревзойденным образцом такого рода обобщающего труда.

Портоланы изучаются главным образом в рамках истории картографии, где сравнительный материал, за редким исключением, ограничивается иными типами карт [из крупных работ последних лет см.: 8; 1; 7]. Во многом из-за такого сугубо «картографического» подхода недостаточно внимания уделяется вопросу о соотношении портолана как карты с другим видом навигационного пособия – с текстовой лоцией. Эти вопросы в последнее время начинают разрабатываться, но пока касаются локальных сюжетов и текстов [5; 2, с. 135–146; 10].

Актуальной задачей остается и привлечение описательных произведений географического характера в круг источников по истории картографии. Это связано с тем, что основу любого средневекового географического описания составляли ментальные карты их авторов, а также географические образы, с помощью которых составители средневековых текстов выражали свои представления о той или иной части пространства. Эти ментальные карты и географические образы являются не менее важной частью картографического наследия, чем сами карты, и поэтому изучение географических описаний целесообразно не только для исследования пространственных представлений, но и для понимания практики картографирования как таковой.

Особую роль в изучении практики навигации и картографирования в бассейне Средиземного моря в конце XIII–XIV вв. играют исламские географические описания этого региона – прежде всего, всемирная география «Упорядочение стран» (*Тахвим ал-булдан*) ученого первой трети XIV в. Абу-л-Фиды и историко-географическая энциклопедия «Пути обозрения государств с крупными городами» (*Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар*) его младшего современника ал-Умари, которые приводят в своих трудах подробные лоции Средиземного моря. Исламские географические сочинения изучаются главным образом в русле классического востоковедения, а не как географические произведения, отражающие пространственные представления своего времени и опирающиеся на длительную, уходящую еще в античность, традицию землеописания. Возможности, открываемые сопоставлением ранних портоланов с исламскими географическими описаниями, используются крайне редко. Можно указать на исследование фрагментов лоции Средиземного моря в сочинении арабского ученого первой половины XIV в. ал-Умари [4, с. 81–90], а также на привлечение материалов Абу-л-Фиды как вспомогательного материала при анализе приводимых географами (в основном XVI в.) сведений о долготах объектов Средиземноморья [9, с. 1–29]. Между тем сопоставление этих арабских описаний с современными им европейскими навигационными пособиями позволяет существенно расширить наши представления о том информационном и этнокультурном контексте, в котором происходило формирование средневековых морских карт и лоций. Покажем это на примере сочинения Абу-л-Фиды.

Рассказ Абу-л-Фиды о Средиземном море представляет собой последовательное описание плавания от Гибралтара вдоль южного, восточного, северного и северо-западного побережий моря с возвращением в исходную точку [6, с. 27–34]. Абу-л-Фида приводит данные об особенностях

береговой линии и о морских течениях, указывает расстояния между портовыми городами, а в ряде случаев также сообщает о государственной принадлежности последних.

Плотность описания весьма неравномерна, что позволяет выделить участки побережий, как хорошо знакомые географу и его информаторам, так и мало им известные. Наиболее подробно Абу-л-Фида знал побережье Африки (в особенности его участок от Орана до границ Египта), побережье Сирии, район Гибралтарского пролива и моря Альборан с побережьем Испании от Барселоны до Альхесираса. В меньшей степени географу было известно Лигурийское побережье Италии и побережье Малой Азии к востоку от Анталы. Наименее подробно охарактеризовано побережье Балканского полуострова, где Абу-л-Фида не называет ни одного портового города, указывая вместо них лишь хоронимы.

Объяснить то, что побережье Испании было известно географу куда лучше, чем побережье Апеннинского и в особенности Балканского полуострова, только недостатком информации вряд ли можно. Абу-л-Фида не испытывал недостатка данных об Италии и Балканах, так как был хорошо знаком с сочинением арабского географа XII в. ал-Идриси, сообщения которого о городах Балканского и Апеннинского полуострова очень подробны. Скорее, тут сыграло свою роль то, что значительная часть Испании была территорией мусульманского мира и потому вызывала больший интерес у исламского автора и потенциальных читателей его сочинения.

Несмотря на то, что описание Средиземного моря у Абу-л-Фиды имеет форму лоции и по своей топонимической номенклатуре во многом совпадает с современными ему европейскими навигационными пособиями, нет оснований полагать, что источником описания арабского автора могли бы послужить именно они. Во-первых, топонимическая номенклатура Средиземного и Черного морей Абу-л-Фиды, с одной стороны, и итальянских навигационных пособий – с другой, в целом несопоставима в количественном отношении: в итальянских источниках по всем участкам морей упомянуто гораздо больше топонимов, чем у арабского автора, местами (для Балканского полуострова, для Западного Причерноморья) – на порядок больше. Во-вторых, имеются существенные отличия в передаче наименований (даже со скидкой на особенности арабской и латинской графики), что свидетельствует об использовании составителями итальянских пособий и арабским географом разных источников информации. В-третьих, если топонимическая номенклатура итальянских пособий актуальна и опирается на практический опыт мореплавателей конца XIII – начала XIV в., то у Абу-л-Фиды встречаются наименования, имеющие книжное происхождение и заимствованные им из разновременных источников.

Скорее, следует говорить о существовании общего «банка» информации, связанной с мореплаванием в бассейне этого моря, очень разнородной по своему составу и происхождению, постоянно пополнявшейся и циркулировавшей не только среди мореплавателей, но и среди широкого круга жителей Средиземноморья. Отбор данных из этого «банка» осуществлялся в зависимости от назначения того или иного сочинения, что и определяло как содержание, так и форму последнего. В навигационных пособиях фиксировалась актуальная, максимально полная и очищенная от посторонних деталей информация о навигационных объектах, а в общегеографическом сочинении, каковым является труд Абу-л-Фиды, описание, пусть и имеющее форму лоции, не было детальным и не претендовало на то, чтобы его можно было использовать в практике кораблевождения. Именно поэтому топонимическая номенклатура европейских морских карт и лоций более или менее равномерно охватывает все участки побережий, в то время как в описании Абу-л-Фиды плотность информации для разных участков неодинакова.

Таким образом, анализ лоции Абу-л-Фиды позволяет сделать выводы не только об источниках его сведений Абу-л-Фиды и методах работы географа, но и о роли кросс-культурных контактов в накоплении и циркуляции сведений о морских плаваниях в бассейне Средиземного моря и возникновения карт-портоланов.

1. Гордеев, А. Ю. Карты-портоланы XIII–XVII ст.: особенности та роль у розвитку картографії / А. Ю. Гордеев. – Київ : Видавництво географічної літератури «Обрії», 2009. – 408 с.
2. Brentjes, S. Medieval Portolan Charts as Documents of Shared Cultural Spaces / S. Brentjes // *Acteurs des transferts culturels en Méditerranée médiévale* / ed. R. Abdellatif et al. – Munich : Oldenbourg Verlag, 2012. – P. 135–146.
3. Campbell, T. Portolan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500 / T. Campbell // *The History of Cartography* / ed. J. B. Harley, D. Woodward. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – Vol. 1. – P. 370–463.
4. Ducène, J.-Ch. Le portulan arabe décrit par al-Umari / J.-Ch. Ducène // *Cartes et géomatiques (revue du CFC)*. – 2013. – Vol. 216. – P. 81–90.
5. Gautier Dalché, P. Carte marine et portulan au XIIe siècle: le "Liber de existencia riveriarum et forma maris nostri mediterranei" (Pise, circa 1200) / P. Gautier Dalché. – Rome : École française de Rome, 1995. – 308 p.
6. Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. – Paris : Imprimerie Royale, 1840. – XLVII, 604 p.
7. Nicolai, R. The Enigma of the Origin of Portolan Charts: A Geodetic Analysis of the Hypothesis of a Medieval Origin / R. Nikolai. – Leiden : E. J. Brill, 2016. – XXVI, 544 p.
8. Pujades, R. Les cartes portolanes. La representació medieval d'una mar solcada / R. Pujades. – Barcelona : Lunwerg Editores, 2007. – 528 p.
9. Robles Macías, L. The longitude of the Mediterranean throughout history: facts, myths and surprises / L. Robles Macías // *E-Perimetreon*. – 2014. – Vol. 9/1. – P. 1–29.
10. Van Duzer, Ch. Nautical Charts, Texts, and Transmission: The Case of Conte di Ottomano Freducci and Fra Mauro [Electronic resource] / Ch. Van Duzer // eBL: Electronic British Library Journal. – 2017. – Article 6. – Mode of access: <https://bl.iro.bl.uk/concern/articles/e3a1c31c-b28c-4371-94a9-8dd836b06b48> – Date of access: 18.03.2023.